Владимир Даушков

Слёзы Махно в Чёрном Омуте

Проза

Новый формат
издательство

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Д 210

Даушков Владимир Ярославич

Д 210 **Слёзы Махно в Чёрном Омуте**: проза / В. Я. Даушков. — Барнаул: Новый формат, 2026. — 492 с.

ISBN 978-5-00274-088-8

Книга посвящается предкам, писателю, дедушке — Сергею Юфимовичу Даушкову, родным и близким, друзьям и всем, кто подтолкнул меня к продолжению творческой деятельности.

Несмотря на любые невзгоды, бережно хранили эту Землю, — имя которой Украина, окраина России, колыбель древней Руси. — Каждый раз подымали ее из руин и пепла, превращали в цветущий сад. Так поклонимся нашим предкам, что они несли непосильную ношу.

Мы все верим, что фашизм, который начал опутывать эту землю, скоро сгинет навсегда. Пусть эта книга станет настольной многим читателям и покажет им корни ведущие к разногласию братских народов. В 2013 году усилилось влияние Запада на Украину, возникла поддержка США оружием Украины, это может привести к войне с Россией. И пойдет брат на брата.

Книгу начал с исторической справки. Где показывается Украина, как часть России. Первые шаги начинающего писателя, русского офицера-подполковника, недавно старшего офицера Главного Штаба Войск Противовоздушной Обороны Страны России, закончившего службу в центральном аппарате Органов Безопасности России, принесут ему успех. Олег Федорович Мартынцов.

Автор и соавтор 20 книг. Член Международной федерации и журналистов и международного сообщества писательских союзов.

Книга издана за счет средств автора.

Копирование книги, издание отдельных глав разрешается только с согласия автора. Печаталась в 2013 году на Украине. Автору не понравилось. Книга не была показана в печати на всеобщее обозрение.

Показывается на всеобщее обозрение впервые.

Авторские права защищены

ISBN 978-5-00274-088-8 © В. Я. Даушков, 2026

Историческая справка

Первая половина 13 века. Древнерусское государство — удельные княжества. В 1240 году на Русь приходят монголы, образуется Золотая Орда, которая доходит до Пскова, Новгорода, Смоленска Чернигова и останавливается. Но продолжают набеги.

В дальнейшем Новгород под управлением А. Невского отбивается от шведов и ливонского ордера, добровольно переходит под власть Орды и платит ей дань. Остальные раздробленные княжества формально остаются независимые.

В это время Литва заключает с Ордой договор о не нападении и взаимопомощи и с их согласия подчиняет «бесхозные» земли населенное белорусами, украинцами, русскими». Орда уступает Киевское княжество и в 1386 году образуется Великое Княжество Литовское.

Хан Мамай проиграл Куликовскую битву в 1380 году, лишь потому, что Литва не успела привести свои войска и войско Д. Донского побеждает.

Литва сразу делает крен на Запад. Образуется Польско-Литовское государство. В 1386 году князь Владислав Ягайло принимает католическую веру, поляки выбирают его королем объединенного государства за щедрый подарок. Таким образом, украинские, белорусские, и часть русских земель оказываются под Польшей.

В 1480 году Русь сбрасывает татаро-монгольское иго. Золотая Орда оставляет после себя Казанское, Астраханское, Крымское ханство. Польша не успокаивается.

Царь Иван 3 возвращает Черниговское, Смоленское и Новгород Северский.

Царь Иван 4 подчиняет Казанское, Астраханское ханство, земли Поволжья. Польша начинает подготовку к за-

хвату русских земель. Готовит сосредотачивает войска переходит к открытой войне с Россией. Они снова захватывают Смоленск и далее возводят на московский престол польского королевича Владислава. Тот видел и можно сказать мечтал об этом.

В 1612 году русские ополченцы изгоняют Поляков из Москвы. Украина, и Белоруссия под Польшей. Там творится геноцид.

В 1654 году украинская знать в лице Богдана Хмельницкого объявляет независимость Левобережной Украины и обращается за помощью к России.

В 1667 году Россия впервые за 400 лет с момента отторжения Россия возвращает земли древнерусского государства: Смоленск. Киев и Левобережную Украину, центральную и Западную Украину, Белоруссию, Литву, Курляндию. (Часть Латвии) Снова было восстановлено Русское геополитическое пространство. Польша не успокоилась. Ее войска от 150 до 250 тысяч идут в Россию с Императором Наполеоном. Долго прощала Россия Польше, но только когда она вступила на стороне Турции в Русско-Турецкой войне в 1815 году, на сто лет Польша включена в состав России. С тех пор Поляки снова затаили свою злость и мечтали за все отомстить России.

В 1918 году Польша обрела независимость. И забирает Западную Украину и Белоруссию. Прибалтика независима.

События 1939 года, при подписании акта о ненападении между Германией и СССР, Советский Союз возвращает Западную Украину, Белоруссию и Прибалтику.

Материал взят с газеты «Донская искра» автора Г. Орлов «В чем виновата Россия перед Польшей» от 20.09.2011 года.

Развал Союза привело к образованию независимых государств. И это снова привело к изменению границ. Часть

русских земель, а именно Киевская Русь оказалась за границей. Мы понимаем, что эта работа «доброжелателей» как Польши и других государств. Но к чему это приведет покажет время.

Итак мы возвращаемся к свидетелям-времени и дорогам, а так же к месту их нахождения — Украине. В истории развития Европейской цивилизации, Украина и ее дороги, несомненно, занимают одну из главных ролей.

Через Украину из века в век, с запада на восток проходили завоеватели. Они проходили по ее дорогам, которые стонали под копытами табунов лошадей, под кованным сапогом солдата, под колесами военной техники. С каждым движением завоевателей с запада на восток, Украину с силой прижимали к стонущей, рыдающей кровью и слезами, и к испепеленной от пожарища земле. Уважаемый читатель, как видите, влияние католической и православной веры церкви в этом уголке земли уходят вглубь веков, некогда обозначенной на картах России как — ВОЛЫНСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Предисловие

Дивный уголок земли, находящимся между Россией и Польшей где лежат несметные богатства, знание о которых скрывает один свидетель и имя ему — Время.

Сколько здесь сел, хуторов, больших и малых городов и городков, никто не знает. Не один статист не задавался целью их посчитать и видимо такой работы никто не выполнит, так как данные населенные пункты, со временем либо появляются, либо исчезают. Но опустим населенные пункты и вернемся к другим географическим названиям, а именно дорогам, тропинкам, стежкам и прочим, которые к ним относятся.

Дороги, построенные чтобы по ним идти. Так мы возвращаемся к свидетелям — времени и дорогам, а также к месту их нахождения — Украины.

В истории развития Европейской цивилизации, Украина и ее дороги, несомненно, занимают одну из главных ролей. Через Украину из века в век, шли завоеватели.

Она, родимая, от бессилия издавала народный дико раздирающий крик своего израненного сердца, но не сдавалась, не падала на колени, лишь на время поддавалась сверх силе, так безжалостно ее согнувшую и унизившую.

Свидетель — время видит и знает, что человечество ведет историю на многострадальной бумаге. Тем самым отображает события того или иного времени, в лице: музеев, книг, историков, свидетелей-человека, присутствовавшего в данном отрезке времени, при которых, происходили события сцен, но он не так учтив и благороден, как свидетель — время, полностью ход истории правдиво не отразил. На это есть масса причин. И сколько бы мы не старались их убрать, не получится.

Свидетель, человек, того или иного времени вдруг умирает не все рассказывает, попросту утаивает события, а вместе с этим умирает истина правды.

Или библиотека, или музей в силу каких-то событий, субъективных или объективных причин исчезает с лица Земли, а вместе с ним исчезает информация, накопленная на бумаге или на полотне. Все это ведет к переписыванию истории.

В истории был уже глобальный пример потери всей информации человечества. И до сих пор человечество ищет след Атлантиды.

Как происходит дальше?

Есть простой, давно используемый способ.

Возьмите некое отличное лицо человека, в мантии академика, пытающего представить события о времени, которое исчезло под влиянием фактов. Опираясь на косвенные доказательства, подключая все свои способности — уверовать, либо влияние, он смеет утверждать, что события истории шло так, как он представляет. В гармонии его личной уверенности, вроде неоспоримых доказательств, рождается мнимая истина. Все это воздействует на общество.

Данные уходят, доказательство опровергается, опрокидывается, не менее известным и талантливым ученым, выдвигающий свое ведение. И все летит в там-тарары.

Возникают споры, недоверие, несогласие печатаются книги с одной стороны и с другой, утверждающие два противоположных суждения. Более того, в ход идут интриги, которые подходят порой до убийства, в прямом и переносном смысле.

В итоге это приводит к потере истины, возникновению, так называемому «Белому пятну истории», в данном отрезке времени и в данном прошлом событии.

Человек не может говорить открыто со временем, он пытается с ним спорить, доказывать свое будто бы превосходство, пытается его обогнать, но тщетно.

Оно смотрит ему в лицо и все чаще напоминает человеку морщинами на его лице или сединой на висках.

— Человек. — Говорит время. — Что ты делаешь? Посмотри на себя, убогий. Ты много достиг своим сознанием, но вместе с тем ты стоишь на первой ступеньке законов мироздания, большой пирамиды. Лишь одна твоя нога вступила на первую ступеньку. Ты Человек готов поставить ногу на вторую ступеньку? А готов ли ты в своем сознании? В каждом тебе, Человек-Бог, душа, воплощение Вселенной, но ты это используешь для другого. То есть, уничтожаешь подобного тебе, ради более жирного куска мяса и других благ.

Отбросим все философские понятия наш читатель, либо они нас заведут в дремучий лес мыслей. Вернемся к понятию истории к одному «белому пятну» 19 века.

Последнее предложение предисловия, по-моему мнению, должно быть следующим.

Так поклонимся этой земле и нашим предкам за то, что они несли непосильную ношу. Несмотря на любые невзгоды, они бережно хранили эту землю, каждый раз из руин и пепла подымали ее и превращали в цветущий сад. Имя которой Украина, окраина России, Колыбель Древней Руси. Никогда не забудут славного города Киев. Горько осознавать, что на этой территории сейчас бытует другое мнение. И начинают опускать историю этого города. И в конце концов уже под влиянием США насаждаются просто вражда, между Украиной и Россией. К чему это приведет можно только догадываться.

Прошу вас читатель, не относить меня ни к левым ни к правым, а понять историю, которую мы постараемся

нарисовать. Жизнь в разных частях Украины, одну часть опираясь не на плод моей фантазии, а на рассказы моего деда. Его герой затронет вторую часть Украины, восточную часть. Мой дед прожил на стыке 19–20 веков.

Время научно-технического прогресса, принесшие человечеству, не только облегчения его быта, но страшные потрясения: Первую Мировую Войну, Вторую Мировую Войну, столкнувший социализм и капитализм, неисчислимые локальные воины, Хиросиму, Нагасаки Чернобыль, века крови, неисчислимых людских потерь, развала Советского Союза, затмившие средние века с чумой, холерой и оспой.

В годы Второй Мировой Мурманчане стойко защищали северные земли. Память об этом нельзя забывать. На пути Мурманска стоял полуостров Рыбачий овеянный славой. Узкая полоска земли на Цып-Наволоке и до сих пор хранит

стойкость защитников, города Мурманск. Он отмечен высшей степенью отлития — Город герой.

Здесь в раздумье полярной ночи я долго писал эту книгу. Хочу донести ее до Вас.

Владимир Даушков
полуостров Рыбачий
Мурманская обл

Часть первая
Западная Украина

На краю села, возле небольшой речки Иква, стоит хата, враз по сегодняшнему времени напротив церкви. Построена она была в 1905 году.

Здесь давно жило много людей. Ржание коней с раннего утра разносился на много верст.

Люди одеты кто в чём, все вооруженные и пьяные.

Вот идет мужик, на его голове потёртая шапка, как видно лисья. Мех потерял цвет. Местами словно заплатки, торчит кожа, от времени, которая потрескалась. Поверх старого пальто перетянута пулемётная лента с патронами.

Мужчина высокий, из под шапки торчат клумбами вьющиеся, пепельного цвета волосы. Лицо массивное. Лоб, широкий, голова большая. Нос объемный и, кажется, что он занимает большую часть посеревшего лица. Губы полные, мясистые, как бы вывернутые. Верхнюю губу прикрывают подрезанные белые усы, опущенные вниз скобой. Походка устремленная, взгляд сосредоточенный. Ростом мужчина был почти

два метра, широко расставленные плечи крепились к длинным рукам с массивными кулаками. Подобно двум пудовым гирям они говорили о пышущем здоровье, несмотря на немолодой возраст. Из под пальто выглядывали кирзовые сапоги, замазанные грязью.

Он шел к хате, держа в руках в бутылке четверть, самогона. Из правого надорванного кармана, торчал белый сверток. Пройдя колодец на подъеме, он столкнулся с двумя мужиками, уже порядочно выпившие. — Лучко. — Крикнул первый, что был справа от него, — ты чего такой хмурый. Никак тебя муха це-це вжарила, але овод саданул

в ухо. Пошли до нас. Хлопцы будут песни спивать, кабанчик на костре томится. Горилка без дела мается, ось ей работу зададим. Сам батька обещал отобедать, жалование за месяц выдать. Ты как, а? Не бойся, Фроська заждалась? Глянь Луцак явился, с известием от батька.

Ничего не ответил Лучко. Он сделал шаг вперед и встречные двое, словно волна ударила в скалу, отлетели в сторону.

— Гаденыш! Зарублю! — Хватаясь за шашку. Крикнул второй.

Лучко повернулся и сказал.

— Не балуй, а то будет как с братом.

— Брата вспомнил, душегуб! Молотобоец! Если бы не батька.

— Пошли, Степан. — Сказал первый. — Пошли. Не время. — Пошли. Ни сейчас. — Иди Лучко, иди своей дорогой, к зятю, Он никак не дождется. Пока ты ему одно место не развяжешь.

В ответ Лучко сплюнул на землю массивный плевок и еще раз окинул взглядом двор.

Двор был большой. В ширину метров тридцать. В длину порядка сорока метров. И находился у дороги, которая пилила село пополам. Белые хатки стояли с обоих сторон ровными рядами.

Хата, крылась соломой, поодаль которой поперек стоял сарай с тремя двух створчатыми дверями, указывающими на то, что в сарае были три независимых друг от друга помещения.

Возле первой двери вдоль забора уходил в землю погреб, покрытый черепицей оранжевого цвета. Перед третьей дверью сарая под навесом из той же соломы, что и крыша

хаты, на лавках сидели люди. Поодаль в пирамидах стояли винтовки.

Наличие оружия говорило, что это есть воинское формирование. Однако амуниция наталкивала на противоположное мнение.

На длинном столе лежали яблоки, груши. В большом глиняном горшке, посреди стола дымились паром свежие сваренные курочки, посыпанная мелким резанным укропом и шкварками из под сала. Вместо армейской каши.

В другом, втором, чугуне торчали ноги кур, тянулся аромат чеснока. Огромные, круглые, ржаные караваи хлеба лежали на куче, словно груда голышей в бане.

Которые после плеска на них воды, подымали пар. Огурцы, яблоки лежали в глубоких мисках, залитые рассолом.

— Чурбан. — Крикнул один из сидящих за столом. — Брось вертел, выпей стакан. Ты своё дело твердо знаешь. Тебе первому и чарка от честной компании. Не смыкайся Чурбан. Не подгорит. Угли хорошие. Не сгорит порося. А коли то беда, ще заколешь. Наливай ему хлопцы. Слава Андрею Ивановичу. Слава нашему Батьке. Слава Украине! — Крикнул второй мужик.

Лучко вздохнул и вошел в хату. Дверь протяжно заскрипела. В хате три больших комнаты и чулан. Все комнаты большие и высокие. Из мебели остался стол, пять стульев, кровать железной ковки. В углу стояла прялка, над ней под потолком на подставке в убранстве стояла икона в рушниках. (Полотенце)

Пол добротный из дуба, окна широкие и высокие. Потолки говорили о том, что здесь живет хозяин.

— Сашко, ты где? Подь сюда. — Крикнул Лучко.

— Чего надо?

— Ты чей-то спишь? Хорош. На дворе скоро полдник. А ты в подушках валяешься. Вставай. Лечить пришел. Выпьем зять, не где взять.

— Да ты вчера за горилку ругался. Ось глянь, какой рисунок под глазом нарисовал.

— Не за горилку, пей ее сколько надо. Душа желает и здоровье позволяет. Ноне без нее проклятой, никак. Она сегодня лучшее лекарство. Ты какого беса к Ганке лез? И тискался. У тебя жена есть.

— То не я. То горилка.

— То не я. То тоже горилка виновата. А потом к Ксане тискался. Смотри не первый раз доглядаю. Пока жив не позволю дочь позорить. Смотри. Да на свадьбе был замечен. Тогда скандала не причинил. А здесь все свои. Кожен день выпивка, да драка. У всех бланши под глазами. Вот по дороге встретил двоих. Вот размалеваны. Смотри не первый раз доглядаю. А она по секрету, твоей жене ляпнет.

— Не скажет.

— Неделю назад в Дубно, кто Тайке в соломе груди мял?

— Бес попутал...

— Я тебе попутаю!

Лучко поставил бутыль на стол и поднёс кулак под нос Сашко, перед этим отшвырнул подушку, прогромыхал.

— Все норовишь подальше от людей, от глаз…

— Бать, в таких делах чужие глаза...

— Кабель, смотри у меня. Я с душой к тебе. Помру, мельница тебе достанется, хлебное место.

— О чем Вы, батя? Какая ныне мельница? Война. От нее пойди и крыльев не осталось, да колеса водяного уже нет. Война.

— Война дело проходящее. Одягайся. Пойдем дело есть.

— Да я с малюнком? (рисунок, синяк). Куда мне идти, люди засмеют. И так вся компания смеется

— Одягайся, бо другой нарисую. Не смей к столу во дворе подходить. Им что? Погостевали и дальше. Нам здесь жить, наша сторонушка. А что дело до крыльев и водяного колеса… то меньше по ночам шастать трэба. Давно бы сбегал, три версты напрямую. Жену навестил, мне весточку принес. Правильно, что на мельницу ушла. Пока ты по бабам бегал, твою жену силой бы ласкали. Это случай мне помог ей уйти с бабушкой на мельницу. К столу не подходи и стакана не хели до глодки. Возьми здесь выпей. А туда не ногой. Чувствую, в воздухе жареным пахнет. И без костра во дворе. Время меняется. Тут у помощника, говорят три офицера появились. От самого Семена Ивановича Петлюры. Сталкивался с ним. Знает, что делает. А слухам надо верить. Они не всем доходят в нашей жизни. Когда научишься наблюдать за окружающим? Глупец.

— Ты чего Бать, говоришь? Крестьянин за Батьку, поддержка в продовольствии является важным фактом.

— Помнишь у нас останавливались Лосевичи. В Польшу рвались. Повезло успели. Так они в России жили. По рассказывали. Сейчас в каждом уезде своя банда как у Андрея Ивановича. Это еще что. Вот на Украине есть посильней банды. Слыхал, о Батьке Махно? Не слыхал. Понятно откуда. Так эта армия похлеще нашего местного Батьки. А Петлюра, все же никакая власть и войско у него есть. Зачем он лазутчиков заслал. Думай. Дурак, зальешь глаза и не вдомек. Сегодня, завтра погонят местного Батьку как бычка на убой, вслед и нас. Уходить надо. Выход один.

Рыжий здоровый оратор, одетый в немецкую форму в китель, без знаков различия, в галифе, в сапогах, один из тех, кто сидел за столом, встал и обратился к двоим,

только, что опрокинутых на землю Лучко. — Степан тащи Киреева до стола. Мы ему в паз гармонь вложим. Пойди, соскучился? Брось свою бутыль, в ней мало, Лучко расплескал. Глянь сколько у нас ее. Пей не перепьешь. Здоровья не у каждого хватит. Кто со мной будет спорить! Душа радуется. Вот одна, вторая, третья, не сочтешь. Не бойся, подходи. У вечери еще подвезут. Симонян поехал до городу, с хлопцами, на трех подводах.

Степан встал, подал Кирееву руку и чертыхнулся.

— Бугай, плечи — угол хаты.

— Ничего. — Продолжил второй. — Дай время, пригнем к земле. Не всегда коту масленица. И чего в нем нашел Андрей Иванович? Мельник и кузнец, и только сказ.

Может и простой. — Вмешался оратор. — А вот в нем сила небывалая. Народная смекалистость. Семен 20 лет в кузне железо гнул. К нему разный народ хаживал. Через того у него мудрость народная. К каждому из нас у него ключ в ломбарде имеется. А вы на него буром, и с угрозами.

Поделом отделались с Лучко надо осторожно. Сам батька его почитает и прислушивается. Если бы не Лучко, многие из нас на гиляке висели. И то верно, хлопцы! Кто посчитает, как батька хоть раз на Семена фыркнул? То-то и оно. Не было, а ты антихрист замолчи. Не по зубам орех. То смотри стукнет кулаком, и враз копыта откинешь. Я то, верно знаю, видел. Трех летнего бычка валит. Почешет между рогов на голове, а тот пьяный делается. Шатается шатается после удара кулаком, а тот да кинет ногами. Снимай шкуру на ремни и в лавку. Ну давай перевернем хлопцы стаканы. Чего стали, кондыбайте до стола.

Степан, — вскочил из-за стола дед лет 70-ти, — сам Демофорд помалкивает, Не встревает, не смеет момента перебить.

Дед резко резанул себя ладонью по горлу.

Вот его правда, але терпим, куда. Всякому понятно, горение души на Лучко. Одни думки, как бы столкнуть сего Лучко в яр.

Понизив голос, дед тихо сказал.

— Нужно подождать, всему час, весне, зиме… Дочекаемся и мы. (Дождемся)

Земля здесь чёрная, жирная. После обильных дождей, превращалась в месиво и липла к подошве обуви и колесам телеги. Вместе с тем надо оговориться, что несла свое время и была сплошь напичкана в недрах известняком и мелом, который год от года, выталкивался на поверхность. Вода растворив в себе мел и известь не обладала вкусовыми качествами и была неприятной нося в себе эти камни.

После кипения, на стенках чугунка, образовывался не один слой накипи. Местные жители готовили пищу дважды. В начале кипятили воду в казане, а затем уже остывшую воду переливали в другой казан, в котором готовилось жидкое. Таким образом, хоть как-то избавлялись от мела. Название близ лежащего населенного пункта говорило само за себя — Белая Криница.

В месте нахождения села природа делилась. Вправо от дороги начинался песок, земля из равнины переходила в возвышенность. А у населенного пункта вдали, как видят глаза, раскинулся небольшой городок, его название интересное — Креминец, начали тянуться и горы. Это начинались Карпаты. Они были покрыты отличной, обильной растительностью. Дуб, Граб, Лесной орех, Ольха, так росли близко и высоко, что тень бросала некую темень. В летний, ясный день в лесу все тени сливались воедино.

Не один луч солнца, не одна коса ветра не могли пробиться сквозь широкие, густые кроны деревьев. А без-

молвие и тишина, кажется таят в себе, что-то угрожающие, заставляют впервые попавшего сюда человека, сжаться. Постоянно ощущать невидимую опасность.

Массивные стволы, густые кустарники, не поглощают треск сломанной сухой ветки. Кажется, наоборот треск тонкой ветки вобрал в себя падение целого дерева, шум которого разносился далеко. Эхо возвращалось из-за спины. Наводил жуткий страх. Летние сумерки сгущались, кустарники рисуя в них разбойников и хищных зверей. Дрожь пронизывало все тело, терялась ориентация. Восток становился югом, западом или наоборот вообще в целом серии неприятной хаотичности. Эти леса способны укрыть не только волка, но не одну дюжину разбойников. Прикарпатье.

Солнце стояло уже высоко, пекло как в мае, но не чувствовалось. Оно лишь легко ласкало кожу лица теплыми лучами. Темно серые свинцовые тяжелые тучи ушли к горизонту и там, на востоке зависли, не двигаясь с места.

День с утра тихий. Безветрие. Пахло серединой сентября. В воздухе висел тот, ни с чем не сравнимый запах желто-красной листвы, который присущ только этой поре года. Отсутствие ветра подчеркивало шикарный, разноцветный наряд деревьев. листья не цепко держались за ветки, время от времени отрывались и медленно, подобно пушинкам опускались на землю, устилали радужным ковром.

Сквозь поредевшую листву на голых ветках видно как висят плоды яблок и восковых груш, налитых спелостью, приятно ласкающих глаза.

Устоявшийся поток тишины, иногда нарушал дятел. Постукивая о ствол дерева, издавая барабанную дробь, да стайка воробьев, которые шумно и весело возникали у не высохшей лужи, стараясь друг перед другом и перечи-

рикать и перескакать, устраивая тем самым, понятную им чехарду. Воздух был легок, чист и нежен.

Глубокий вздох воздуха проникал в дальние уголки и чуть-чуть сладостно кружил голову. На душе становится спокойно и чисто. Приходят разные мысли.

Осень красивая, чудная пора времени. Только она способна нас задуматься о жизни, любви, мироздании. Эта пора времени заставила писать картины, стихи, и романы, вошедшие в элиту развития творчества человечества.

Осень да, заставит доброго хозяина подвести итог: посчитать, прикинуть, проверить съестные заготовленные припасы на зиму. Заглянуть в погреб, оглянуть взглядом банки с вареньем, а во дворе посмотреть на сложенную стенку с наколотыми дровами на зиму. Осень заставляет нас при своем унынии и умирающей до поры природе, думать о многом. У реки заметно обмелевшей, с оголенными крутыми берегами, в низине уже неслышно щёлканье клюва аиста. Не видна его важная горделивая походка. Не висит в воздухе жаворонок, нет его приятного пения. Лесные деревья были пропитаны осенним запахом.

Земля ещё дышит, но ждет уже первого, белого снега и мороза. После чего она издав последний вздох в этом году, с радостью и облегчением погрузится в сладкий сон. В своем сне она будет набираться сил. Чтобы встретить этих птиц и радоваться их пению и щёлканью. Чтобы в какой миллион лет возродить жизнь! Это удивительное свойство земли способное растворить в себе мертвое и дать жизнь новой жизни. Эта пищевая цепочка является основой всего живого на Земле. Земля наша планета-наш дом. Наш долг и долг грядущих поколений неизмеримо велик пред словом — ЗЕМЛЯ. Мы должны всегда помнить об этом и готовить детей к этому

сегодня. Бросил взгляд на двор, Лучко поймал себя на мыслях: о доме, о жене, о дочке.

— Да. — В пол голоса он произнес. — Дабы не смутное время, какая погода! Не сегодня, завтра задует «губатый», нагонит тучи, польется вода небесная, наполняя речку Икву. Закрутятся жернова и наполнятся в большие мешки мука. Пополнится копилка. Надо бежать. Не до нас будет. Ждем случая. Оторваться на мельницу. Как. Я всегда под присмотром. Нужный человек. Это Сашко может. Ходу три км. Чертов Батька, затащил, замутил. Ему что, рванет за кордон. Не даром поляки до хаты рванули. Видать в России дела не так хороши. Батек разных наплодилось, каждый требует внимания. Да, только видать батя Ленин всех погонит. И нашего Андрея Ивановича и Махно побегут за кордон. Антихристы людям жить не дают.

Тут он запнулся, оглянулся. Вздохнул и про себя продолжил.

— «Крестьянин один — ничто. А месте мы сила, кулак. Большая сила! Все в наших руках! Так соединимся воедино и ударим по помещику. Мы сами построим свое государство и нам не указ Россия». — А на деле как? По сути, грабим соседа силой. Вожак нашелся. Убежал с тюрьмы. А чем отличается, от такой как эти бандиты видимо ничем. На лице не написано, что он дюже хорошая и гарна людына.

Крестьянин по земле скучает. Нет продуха с 1918 года. Не заметили, а уже 20-й год зимой придет. Сколько тут уже побывало таких. Все за народ, а сами хату забралы. Квартирасъемщик. Жена и сноха на мельнице живут. Подальше от пьяной, еще пока управляемой банды. Сына хоть не трогают, как хозяина. А дом ведь мой. Сам строил. И что? Красиво все говорят. Одни и те же призывы. А толку нет.

— Хорошо началось. — Продолжил Лучко. — А скверно заканчивается. Гонят ото всюду. Скрепя хлеб, соль, дают, провиант порой свой уже хлопцы берут. Пока еще сила есть. Микола Гаркуша прошлой ночью ушел. А раз, он один? Бегут крестьяне. Войско до горилки и жинок других бравадой ходят и поглядывают, как петухи в сарае. На днях уйдем. Только своих подальше в Карпаты отправлю. Может сегодня и ночью уйдем. Может сын и правильно не ходит до них. И молчит. Может и след их уже простыл.

За столом чарка пошла по-третьему кругу, взволнованная толпа шумела. Громче всех слышался басистый голос.

— Ты кум ври, да оглядывайся. 30, куриных, вареных в один присест, а крынку сверху молока, ха-ха-ха.

— Собака моя — Лютый, столько не съест. Видал моего, моего матерого. Холка с годового бычка, а может с Мерина.

— Та сам кум не ври. Холка с бычка, а может с Мерина? Видал я твою собаку. Она не съест, а я съем.

— Давай на спор! Проиграю, твоя сбруя, конь и эту папаху от генерала, твоя.

— Ни. — Что, на попятную? — Ни напротив. Добавляю еще 10 яиц и тоди твои энти сапоги и кафтан мои. Глянь, дуже он размалеванный. Идэ?

— По рукам.

Дед, который трогал разговором Степана, вскочил и крикнул.

— Луцак, бери винтаря, пошли по хатам яйца шукать.

— Ага идить. — Вмешался в разговор Киреев.

Зараз, враз в начале на прямую до Степаниды. Курей пощипали, а теперь за яйца возьмитесь. Она баба приветливая, коромыслом, а то ведрами в займы и даст. А щеб без скуки було, кобеля спустит.

— Тот самый с холкой, серый, кабель вас и рассудит. Насчитает математикой, не ошибется. Четыре на двоих, по паре на брата. Будут вам яйца у забора ждать, как вобла сушиться, то ваши. Я думаю, что на ветру они быстро подсохнут. Там же ветерок их продует.

Не высокого роста Луцак, в тельняшке, бушлате матроса, брюки в клеш с ехидной улыбкой, с голубыми глазами, хихикнул и протянул.

— У меня винтарь есть, щелк и песня спета под Луной в Индийском океане. К собачьей своре у меня свой долг. Кусали, но не съели. А я их проклятущих стаями на пельмени переводил. Скажу вам хлопцы, вкусные, и разом полезные для лечения дыхательных путей.

Луцак стукнул себя в грудь и проговорил.

— Никакая махора не согнет и жабе места с чахоткой не найдется в теле. Так говорил мне мой друг покойный Цой. Уж мы с ним их пожевали.

Луцак Вениамин Макарыч — полное его имя, фамилия, отчество, родился 8 февраля февраля 1875 года, в городе Луцк, в семье обувного фабриканта, служил в царском флоте. За благородные поступки, а также исполнения своего долга воинской, службы неоднократно ставился в пример матросам. Слыл на крейсере как проворный и находчивый. Особо он играл на гитаре.

Офицеры поощряли этого ловкого, юркого проворного кондуктора, позволяли посещать офицерскую кают компанию. Однажды на палубе случилась беда. Ни с того ни с чего, на Вениамина налетел вахтенный офицер.

— Я покажу тебе. Скотина, как управлять мойкой палубы. Я научу тебя с печалью знаться.

После того, как он попал служить на корабль. Он понял, что с матушкой обращался далеко не хорошо. И за это

отец его наказал. Отправил его служить. Все пересмотрел в жизни.

— Скотина, куда ты смотришь? Это тебе не чай заваривать в кубрике офицеров, не гитарой всех удивлять. А с меня спрос капитанский. Капитан в кубриках не бывает, защиты не найдешь.

Все было бы хорошо и палуба блестела лучше чем прежде. Затем офицер толкнул его и тот ударился о перегородку. Злость охватила его душу. Тот который вчера под песню на гитаре чуть не обронил слезу, сегодня обидел. Тем самым это говорит, что этот далек и полагаться на его внутренний мир нельзя. Луцак тоже ответил толчком. Офицер не удержался на палубе и упал ударился о нее.

У него пошла кровь с головы и щеки. Итог прост. Арест, суд и покатилась жизнь по тюрьмам. Многое пришлось перенести Луцаку. Город Томск на многие годы стал для него второй Родиной. И покатилась жизнь по воровским законам с базарами и разборками, как ростовских и одесских паханов.

«Два города кладут на человека неизмеримую печаль, которую невозможно подделать — Одесса и Ростов.»

Это написал Н.Ф. Погодин — советский сценарист и драматург, родившийся в 1900 году в станице Гундаревская, ныне город Донецк, Ростовской области. Он работал в ростовских газетах. В 1924–32 году был разъездным корреспондентом газеты ПРАВДА.

С приходом в тюрьму политических заключенных в голове Луцака прояснилось. Разговоры о светлом будущем нежно грели сердце, в камере с сырыми стенами. День ото дня по мере жарких дискуссий большевиков и эссэров и анархистами познавался мир.

Фантазия кружила голову, рисовала будущее. Ждали все последние дни в застенках. Травля побои надзирателей и наконец второе в жизни предательство, наговор на суде. В последствии этот офицер добился своего. Он был переведен на Балтийский флот и списан на берег.

Все это озлобило, ожесточило Луцака. Многие отметины на теле ввиде шрамов, воспоминания о голоде, побоях, напрочь отрешили, его от приобретенных знаний.

И привели к одному убеждению, что сила, только сила есть доминант способный привести к власти и богатству, при этом оставаясь безнаказанным.

Третий побег в одиночку привел к успеху.

Долгое мытарство по просторам царской России и приобретения знаний, постоянные, беспорядки творящие с февраля 1917 года шли ему на пользу.

Луцак умел лавировать между эссерами и большевиками, царскими офицерами и солдатами, кулаками и беднякаами. Верста за верстой приближаясь к родимой стороне. К этому времени у него был нечестно сколочен некоторый золотой запас, позволяющий ему в дальнейшем явиться в свет под другой личностью. В последствии вместе с легендарным Махно Н.И. через речку покидал Россию. Но пуля его сразила.

Фамилию он оставил прежнюю, лишь после буквы вставил гласную «А»и имя отчество поменял местами. В своих новых документах. И пока добрался получился вместо Луцк Вениамин Макарович, получился Луцак Макар Вениаминович, но это ему стоило больших затрат. Даже в книге была сделана запись с подтверждением. Его многие не помнили в его обличии. Зато он мог многих узнать.

Первая Мировая Война закончилась подписанием Брестского мира, унизительного для России, терявшую часть

своей территории в 120 000 кв. километров, в том числе Украины — западной ее части.

Подписание Брестского мира выгодно было партии большевиков. Согласно совершенно секретных документов, опубликованных в наше время. А попросту была сделка с Германией. Россия уступала часть территории, а партия Ленина пришла к власти в России. Успешное всеобщее наступление революции не поставило Луцака в тупик. Он быстро сориентировался, решил посмотреть на родителей, а там решить как ему надо поступить позже. Пройдя всю Россию он примкнул к банде Андрея Ивановича. И по надобности наворовать больше. Заодно присмотреться к границе. Прощупать место, где ее можно перейти. Прикарпатье. Награбленное добро. А после его забрать для жизни в странах Европы. Шаг за шагом он справлялся с отцовым наследством и понял, что оно не столь большое. И вступать в него, а значит перекраиваться вновь в свою родословную. Что не выгодно. Он уже накопил для суда, не мало преступлений. Поэтому он начал воплощать свой план и временно приютился к местному авторитету, и оставаться Макаром Виниаминовичем.

Шаг за шагом он подвигался к батьке, втираясь в доверие. Вход шли все уловки: угодливость, образованность, кухня, компанейство, музыкальный слух и красивый голос, игра на гитаре.

Резкие, красивые и справедливые фразы и лозунги, которые имелись в избытке под черепной коробкой, укладывалось строго по стеллажам, позволяли ему решать ежедневные споры среди крестьян, поднимали его авторитет.

Логические рассуждения, рассудительность, мимика, умение убедить, правдивость рассказов, делали его при-

ятным собеседником и давали возможность вести споры с Андреем Ивановичем, отстаивая свою точку зрения.

В свое время тот прошел путь в застенках и это принесло успех. Он спас Андрея Ивановича, опередив выстрел нападавшего своим метким выстрелом.

Луцак воевал, но свой лоб не подставлял. Он как бы взлетал в те минуты, когда перевес победы уже витал в воздухе и всегда был виден, срывал куш, становился кумиром, героем. Его маленький рост давал огромное преимущество в тактике боя, делая его неприметным и неуязвимым.

О будущем ежедневно думал, и все, что сейчас произошло, его устраивало. Однако в хаосе битв за будущее он про воровские законы не забывал и убеждений не сменил. Воровал и тащил, хоть мало, но складывал свой капитал.

Но вскоре Луцак задумался, что такие как Андрей долго не протянут и эта банда прекратит существовать, так как сама идеология ее, по сути не перспективна. И что надо переходить в другой поезд, который может будет двигаться в обратном направлении. Луцак видел мощь красной Армии. Его временное нахождение в Кронштадте привело к осознанию того, что Россия не за что, не отдаст эту часть земли. Ибо это будущее часть берега моря на Балтике еще не раз будет играть роль во многих переговорах. Он понимал, что эту часть можно повернуть и в другую сторону, которая может даже наделать много неприятности самой же России. (Что на самом деле и произошло в период с 28 февраля — до 18 марта 1921 года). Луцак уже находился в другой части Украины, где жил беззаботно и вынашивал свой план. А восставший Кронштадт был снова взят под командованием молодого полководца Михаила Тухачевского, который после был наказан самими большевиками.

Проницательность Луцака в который раз не дала осечки. В таких бандах, которые гуляли сейчас на просторах Украины начались процветать грабежи, пьянство которое многих устраивало. Крестьяне с одного места, грабили крестьян с другого места. Большевики выбросили лозунг «Земля крестьянам». Войско через это стало таять. Вместо широкомасштабных операций появились примитивные дрейфы, сводящие к простому передвижению с места на место, а попросту к уклонению встречи с более

сильным противником. Дисциплина начала падать. Многие дезертировали к своим хуторам и селам.

— Макар! Может и впрямь до Степаниды пидемо? — Сказал дед, обращаясь к Луцаку.

— Еремеич. — Ответил тот. — Ты лучше скажи, что ты вдруг со мной назвался до яиц, ходоком? Разве это моя работа?

— Наша Макар. Давно поговорить трэба, да все часа не маю. Ось пока дойдем и сроднимся мыслями, сторгуемся. Я старый, никому не потрибный-ненужный, а тоби добре сгожусь. Должок имеется перед твоей фамилией. Святой должок.

— Ты к чему клонишь, лукавый?

— К тому, что в каждом деле опору трэбо маяты. Бо як без опоры? Фундамент как зроблен, такая и хата, бес перекосу. А шо як склизко, упав, а руки не кажный подаст. Що робыть? Не в домёк мне твои припарки. Видать ты Еремеич отжил свое. Вот и умом заворачиваешься. Плохи твои дела, неважны. Доску искать надо и плотника…, готовиться на цмынтарь (кладбище).

— Прав ты Макарушка, перевертыш. Дюже всем доски потрибны. И скоро потребуются и тебе, если не слиняешь от сель через годик. А то может поживешь ще? Точно знаю.

— А вон беда. Где взять плотника? Пойди все с обрезами по хуторам ходят як мы. Зароют нас в одну великую яму, креста не поставят, на это место наплюют наши потомки, помочатся. Спасибо, хоть так проведают.

— Втикать надо от Батька. Ей Богу. — Дед перекрестился два раза, сказал. — На тебя надежда Макарушка, ты меня схорони в лесу, чтобы никто не знал. Буду себе спокойно лежать. Холмика не делай. Греха на мне много! Самому Господу Богу мабудь не известно. Что задумал, люцефер (черт) в отместку Богу за его добрые дела. Как Бог спит — Черт развлекается. Знай эту поговорку до конца жизни ей руководись. Среди людей, еще какие есть черти. Я то пожил и знаю. Это тебе в первый раз на ухо давит.

— Куда клонишь? Сучье племя! Пенек старый. Я тебе бороду выщипаю. В вечери, по прибытии батьки и сдам тебя за слова твои дерзновенные. Не дюже добрый разговор получается. Ты сдавай, давай. А я батьки про деревеньку скажу. Про хату …, поле. Шо ты там ховал? Еще есть одно место и других тобой копано. Продолжать, чи, ни? Нас батька обоих и порушить. До ножа руки не чипай! Ноне послушай, что скажу.

— Руки убери, а то глянь, у меня револьвер имеется, не успеешь. Продолжаю. Батька отгулял, ближе к кордону жмется. Мы и так не в Украине. Эта земля под Польшей. Втикне батька, это не секрет, это время. А где он задумал схоронить свой скраб? Ось вопрос?

— А шо до Степаниды, то зайти трэба. Куры ей да яйца, не потрибны. От деда моего, знаю добрэ, знаю, что монеты золотые, чистой пробы, двадцать шесть штук. А то и поделим. А до твоих ямок, мне и дела нема. Сам ховал, сам збирай. Все на месте. Никому я не казал, ничего не брал, нащо воно мэни! Вот твоя работа.

— Як полыхнэ в скорости…, куда? В Луцк? А то признают в тебе каторжанина? Вот выходит, шо стежка одна.

Батька твоего уже нема и мать померла, а фамилия фабриканта Луцк, твоего тату. А настоящая твоя фамилия — Великоступ. Твои пращуры с самим князем Киевским из кубка вина пивали и по правую руку от него сиживали. Сам грамоту читал. Более того знаю, где она хранится и захована, а ты бороду трогаешь мою. В ней года, мудрость и тайна твоего наследства.

— Шо ты говоришь? — Сказал бледный Луцак.

— Не кипуй. Це другое расповедание — Процедил дед. — По селу зазря ночи бить не трэба. Отпустим Степаниду на вечный покой. Дело уладим за столом. Кому же той кофтан достанется? Дуже размалеванный.

Соседи суматоху подымут. — Продолжил говорить Луцак.

— Тьфу. — Пока мы на постое, не одна душа не выйдет. Смотри все вымерло, никого. Собаки не лают. — Настаивал дед.

— Откуда знаешь про золото? — Загорелся Луцак.

— Давно было. Я ще маленький был, у местного пана працювал. Каждый дом як свои пальцы знаю. — Ответил, прищурившись Злобин. Мои родичи тут лежат. На реке Иква есть место. Було колысь. У Черного Омута враз, где стоит мельница на берегу кладбища…, тики крестов там не мае. Страшный риск был. Чума, холера или оспа косила людыну, как коса траву. А мой батька твоего батьку и мать добре знал. Да я колысь тебя маленького качал да у батьки твоего в приближении был. Було колысь, к тебе ездил. Всю Россию проехал. А ты тогда своим ответом сильно обидел ОТЦА.

В вечере стакан не хили до себя. Тверез будь. Есть у моего куманька хата, хозяйство, овцы. Як шо то, то и пере-

сидим. Як шо, то доживем на постое. В наймаки пойдем. Туда дороги не найдешь. Вин пойди и не знает, что в России твориться.

Эта встреча и разговор не сулил ничего хорошего, напротив она обременяла и несла опасность, готовая в любую минуту привести к гибели. Луцак лихорадочно искал выход, перебирая множество вариантов способных избавить его от Злобина.

В конечном счете, он решил, что лишняя пешка на шахматной доске ему не помешает. И кто знает, может она станет ферзем.

— Точно, старый конь борозды не портит. Вдвоем не одному.

Злобин сегодня часто встречается. Ест много версий, но мы, остановимся ближе к нашей истории «Белого пятна». Для этого вернемся к началу гряды Карпатский гор, что впрочем мы уже сделали.

Раньше, уходя вглубь веков, до поры возникновения монгольского нашествия, в этих местах возникло поселение. На одной из гор была выстроена крепость, с которой просматривалась дорога, связывающая Восток и Запад.

Суровый страж и сегодня стоит, напоминает о своей выдающейся заслуге и имя ее — Бона она стоит на горе в городе Кременец.

Крепость в минуты опасности вторжения захватчиков укрывала за своими стенами, внизу лежащие поселения.

При осаде крепости, она не сдавалась и выдерживала осаду.

В подземных подвалах, в складских помещениях имелись все запасы для жизнедеятельности. Вода била из подземного источника. Мясо было завалено глыбами льда.

Сама крепость рассчитана и поставлена так, что в нее войти можно было лишь через центральный вход, по более менее пологому склону.

Остальные, высокие стены окружали склоны, не позволяющие подыматься во весь рост человеку, так как центр тяжести мгновенно смещался назад, и тело опрокидывалось самопроизвольно. Впереди были стены.

Стены сделаны из монолитных камней, долблены из гор и связывались с собой известковым раствором на куриных яйцах. Смотреть на них и сегодня снизу вверх долго нельзя. Долгое запрокидывание головы колом давит на шейные позвонки. Сам на себе испытал попытку подъема по крутому склону. Такая крутизна!

О стойкости БОНЫ поведал мой дед, издавший книгу в 1936 году под названием «Было колысь». Было когда-то. Книга разошлась широким тиражом, часть попало в Канаду, для чтения существующей украинской диаспоры.

Много экземпляров ушло в Европу, к сожалению, в настоящее время сохранены единый экземпляр в музее города Кременец.

Сегодня я говорю, что переиздана широким тиражом. Один экземпляр есть и у меня. Работа долго велась по поводу этой книги, чтобы перевести на русский язык. После завершения этой работы, я попытаюсь ее показать читателям. Есть у меня и сказки «Старого млына». Сказки для взрослых — «Сказки старой мельницы». В свое время даже готовились варианты создания мультфильмов, когда я служил в Москве. Но внезапная болезнь родителей заставила оставить службу и досматривать их. Мама прожила до 93 лет и умерла. И мне пришлось поменять место жительства. Вернуться на Родину. В город Белая Калитва, Ростовской области. Большая работа была проведена художником ки-

ностудии имени Максима Горького. Юрием Григорьевичем Кашанским, художник этой киностудии сделал много рисунков к сказкам моего деда. Но ничего не получилось. Внезапный отъезд, а потом и смерть его не дали сказкам увидеть свет.

Я попытаюсь издать эти книги и донести их к читателям. Хотя это очень мне будет стоить многих усилий.

История города уходит вглубь 7 века. Кременец-крепость на замковой горе. В 1723 году город входил в состав Российской империи. Затем относился к Польше, затем в 1939 году входил в состав СССР. А сегодня он входит в Украину, которая стала независимым государством, образовалась с распадом СССР на страны СНГ. Город, единственный выдержал натиск монгольских завоевателей из Киевской Руси и не был порабощен. Но видно все же от того, что монголы дальше не пошли. В 16 веке он был подарен польским королем Сигузмундом своей жене — Принцессе, Боне Сфорца в 1536 году. Она всячески оберегала это место. Ходят слухи о подземных сокровищах скрытых в ее недрах.

В 1975 году я посетил с дедом этот замок. И каково было мое удивление и гордость за родственника, когда дед встретил туриста и историка из Канады.

Столько я услышал о народной молве об этой местности.

Принцесса приказала сшить с кожи животных мост. И перекинуть его с горы на гору. И потом проехала, как доходят легенды на той колеснице. Долго я ломал голову над этим и не мог уложить в своем воображении как это можно было сделать. Однако

людская молва в те годы утверждалась словами старожилов от своих дедов.

В 1939 году Советские войска вошли в Западную Украину вернув тем самым утраченные территории, отторгнутую у России после Первой мировой войны. История повторилась. Теперь германия уступила Прибалтику, Западную Украину в обмен на то, что Советский Союз не поможет военной помощью Польше. Войсковые части расквартировались по городам, имевшим стратегическое значение.

Не миновала эта участь и город Кременец, где стояла часть радиотехнических войск, а в городе Дубно стоял военный аэродром, под селом Бушта.

Спустя два года СССР втянули во Вторую Мировую войну. Территория эта была занятая немцами. Но вскоре под натиском Советских войск те покатились на Запад. Но по мере отступления Советских войск, те склады, что готовили Советские войска начали взрывать при отступлении.

С приходом опять Советских войск стали разбираться с теми складами, которые остались и не были обнаружены. Начались раскопки. Много случаев происходило, но этот…?

Каково же было их удивление. После четырех лет войны, при раскопке одно из складов, из темноты раздался голос.

— Стой, Кто идет? Стой стрелять буду! — Затем наступила кроткая тишина. И вдруг из темноты раздался топот многочисленных ног. Это двигались крысы.

А из мрака, откуда тянуло спертым воздухом, послышался щелчок затвора винтовки, загоняющего патрон в патронник.

После долгих переговоров, объяснений, уточнений…, сомнений не стало. Там в внутри находился часовой, охраняющий бессменно долго, четыре года, свой пост. С большими усилиями, часовой был снят с поста. В разговорах

шла речь, что когда тот вышел наружу у него пропало зрение.

Уроженец тех мест, русский человек, как тень бродил в темноте царства подземелья, выполняя свой долг. Рассказы о заточении по воле случая, одиночества завораживали слушателей. Его утверждения в том, что в недрах пещеры есть много ходов и в них хранятся несметные богатства, кладовые золота, и драгоценностей. Все это сбивало с толка многих кладоискателей. Железные клетки, сделанные им специально в месте ночлега, спасали от крыс. Ставил в тупик врачей и не решивших признать в нем нормального человека, скорей чем сумасшедшего.

Возможно, этот диагноз и был бы признан, но аккуратно веденный дневник, с указанием приблизительного числа, месяца, года, при беседе с ним говорили, что данный человек не лишен рассудка.

Я помню как, с возбуждением об этом случае рассказывал дед туристу. Он часто говорил, что Россию, есть кому сейчас защищать.

— Мы русские люди. — Знайте об этом. — А что здесь имеет влияние и вы их помните и насаждаете нам. Нам не потрибно.

— Вы же сами говорите по украински. Тогда как быть?

— Я русский человек. А говорю по украински, потому, что уважаю украинцев, потому, что живу здесь. А что до языка, то могу сказать и по польски. Мало того могу изъяснятся по латыни.

Разве мог я тогда представить, что жизнь военная отнюдь не романтика, а служение Родине, потребует от меня больших человеческих и душевных сил. Тогда было мне 19 лет. И я был курсантом военного авиационного училища. Разве мог я тогда и мечтать о встрече с Героем Советского

Союза, космонавтом — Артюхиным Ю. П. А также рассказать некоторые детали о жизни Н. И. Махно со слов некого Гуцула…

Осенью в городе Даугавгавпилс, Латвия 1975 года было событие. Нашему классному отделению выпала честь, как отличному взводу участвовать в перезахоронении участников Второй Отечественной войны. Среди них был отец Артюхина Ю. П. До кладбища было идти довольно долго — большое расстояние. Была осень, шел дождь. Пока мы дошли до могилы легким строевым шагом все замерзли. При команде пли, при салюте, многие не могли нажать на спусковой крючок автомата. Залпа единого не получилось. Но вскоре после окончания процедуры перезахоронения отца космонавта к нам в автобус зашел сам космонавт.

— Тут мужики в автобусе не согреешься. Пока печка накочегарит. Вот кофе. Спасибо. Досталось вам. Выпейте, согреетесь. И я с вами выпью. И хоть время нет, но надо. Считайте это боевые сто грамм. (Отдал большей китайский термос с кофе).

Так в жизни лицом к лицу я встретил космонавта.

Вскоре после ухода полковника в автобус зашел и командир взвода капитан Кармазюк и сказал «Приятная весть. Хорошее начало службы у вас будет». И достал бутылку водки. Сам разлил почетному караулу.

— Разве мог тогда я представить, что земля, где жили мои предки, станет заграницей, как говорят сейчас — ближнем зарубежьем. Что прибывание на этой земле принесут мне не гордость, а разочарование. Слово кацап, москаль, да и события 2010 года на Украине оборвало желание поездки туда в гости.

Люди опомнитесь! Что вы делаете? В России нет на украинцев гонений и как говорят «хохлов» не унижают.

Они со всеми трудятся наравне и занимают высокие государственные посты.

Возникновение фамилии Еремеича прочно связана с городом Кремнец, и до сих пор оно там встречается.

Семидесятилетний дед, имел фамилию Злобин. Дальний родственник Злобина был защитником выше описанной крепости во времена монгольских захватчиков.

Невероятная храбрость, дерзость, могучая сила и выносливость, слагали легенды об этом удивительном, уникальном воине.

Внешне спокойном, флегматичным в жизни похожего на сытого кота, лежащего на теплой печке, он преображался в бою, становился быстрым, юрким и злым. Его вылазки из-за стен крепости приносили удивительные трофеи. Живой язык приносил много информации о стане противника. Злоба и Жлобина, как его окликали за могучую силу, приклеилось в двух корнях сочетаниях дали фамилию — Злобин.

Николай Еремеич Злобин родился вторым в крепостной семье, 1850 году, небольшого села под городом Кременец. Когда ему исполнилось восемь лет он начал работать пастухом, гоняя на пастбище с другими мальчишками барскую скотину. В десять лет он хорошо познал цену несправедливости. В десять лет он стал убийцей.

Однажды вечером к ним зашел подвыпивший барин и крикнул.

— Еремей, подь сюда.

Отец вскочил с лежанки, оборудованной на полу и часто кланяясь к земле.

— Что изволите Барин? Али шо не так? Скотина в хлеве, накормлена.

— То-то оно так, — Окидывая взглядом ветхое жилье, барин продолжил. — А в хлеву не чищено. По колено … Когда чистил?

Давича прилег. Захварал, нездоровится мне. — Надрывно оправдывался Еремей.

— Захварал говоришь.

— Барин не гневайся, часок полежу …, к утру и управлюсь.

— Ладно, не кланяйся. Дело ты добрэ свое знаешь. Тебя потерять, скотину валять. Подымайся пойдем в баню. Да пусть твоя дочь, Дарья на кухню сходит. Вечерить принесет. Стол в предбаннике накроет. И уберет пока ты лежишь. Парить тебя буду. Хворь выгонять. Дарья, иди швыдче. Это твоей жене за справную работу, пусть купит себе платок. Растет сынок, растет. В хлев не иди. Я распоряжусь. Без тебя почистят. — Сказал барин.

С тех пор барина как подменили. Каждую субботу он забирал отца в баню. Старшего пастуха барина лучше почитать, особое внимание он уделял Николаю, иногда балуя сладостями.

Как то раз, после очередного лечения отец пришел не пьяный не за полночь, его позвала мать.

— Рая на, держи! Барин велел тебе передать. Сказал слово в слово… Целый рубль за твое перед ним усердие в течении 16 лет.

Мать присела на лавку и уставилась на деньги.

— За что? Это большие деньги!

— За что? Барин сказал знаешь.

— А где Дарья? — Спросила мать.

— Стол убирает. — Буркнул отец.

— Дурья твоя голова! Ты не видишь? Дочь твою в экономки барин готовит, а кто знает! Мало одной беды в семье...

— Тут мать осеклась, покраснела и притихла.

— Цыть, старая! С ума вышла. У пана этого добра…, больше чем у тебя волос на голове. На кой ляд ему Дарья? Ни кожи, ни рожи и сопли под носом. У него крестьянок столько!

В этот момент вбежала Дарья. Ее щеки горели румянцем девушки, которая уже может стать матерью.

— Тятенька! Я никогда, слышите, никогда…, никогда маменька. Лучше в Черный Омут головой!

— Что с тобой дочка?

Она прижалась к матери и заплакала.

— Пан шибко щипается, непристойные слова говорит. — Хмыкнула Даша.

— Пойди пьяный. — Успокаивала мать.

Пришла суббота. Но барин не позвал Еремея в Баню. Да и вообще стал менее внимательным к семье пастуха. Все шло, как прежде и Дарья успокоилась.

Как-то раз барин зашел в кухню, взял горячий блин съел и сказал.

— Вкусно, вкусно. Хорошая из тебя хозяйка получится, но жаль никто не оценит.

Дарья росла скромной девочкой. Помогала маме на кухне. Особенно много работы было весной и осенью. Пан в эту пору не скупился, кормил крестьян хорошо, три раза в день, в ход шла птица, резалась свинья. Порой забивался бычок, а то и бык. Крестьянский труд в весенне-осенний период щедро вознаграждался.

В 1860 году у барина проживало 250 душ. К этому времени Еремеичу исполнилось десять лет, его сестре в сентябре стукнуло шестнадцать.

Дарья за два года вытянулась. Налилась спелостью румяного яблока, от которого пахло приятным девичьим по-

том. Волосы длинные, черные ложились ровными прядями. Прикоснувшийся летний, легкий ветерок легко подымал их с плеч. Взлетая с легкостью, они оголяли длинную ровную шею с двумя заманчивыми родинками. Округлые плечи шикарные груди, покрытые кожей легкого загара, придавали Дарьи еще большую девичью красоту, нежели в зимние дни, когда поверх тела был одет овчинный тулуп.

Большие, двумя точками, карие глаза, светлые и всегда радостью и счастьем залита открытая улыбка. Дополнялась двумя ямками, на щеках. Дарья обладала хорошим слухом и имела звонкий голос.

Она всегда пела, всех удивляла.

Где бы она не была, чтобы она не делала, всегда с ее уст срывалась нежная, полна тайны песенка.

Однажды она обмывалась водой, Дарья посмотрела на себя в зеркало тихо прошептала.

— Почему никто не узнает как я готовлю? Врешь барин! Я даже очень ничего. Я — красавица. Она потрогала, груди, пупок, опустила длинные руки к ягодицам. Ей вдруг так хорошо и тепло, что легко закружилась голова и перед глазами у нее поплыли круги. Похожие на мосты радуги, после летнего дождя.

Сколько она просидела она не могла знать. Но когда открыла глаза, ей нестерпимо захотелось спать, будто бы час назад она физически наработалась. Вместо того тела, которое еще несколько мгновений назад было упругим, она ощутила его расслабленным вялым, усталым. Дарья впервые познала оргазм.

Пан каждую осень ездил на ярмарку в Луцк, бывало и в Кременец. Он любил совершать эти поездки. У него всегда был на этот случай небольшой запас. Заодно посещал своих родственников. С деревни ему было, что вез-

ти в подарок. Он хорошо считал деньги, их по пустякам не выбрасывал. Даже тогда когда уходил в загул с водкой и девицами.

Но если и бросал, то все просчитывал, знал, что это принесет прибыль. Очень скорую в течении нескольких не годов, а нескольких месяцев. И жил как заблагорассудится.

Крестьян своих не истязал, как соседи, за каждую провинность. Весной и осенью хорошо кормил. Зимой пища становилась намного скудней. Она еле-ели поддерживала жизнь крестьян. Но жить можно было, сравнивая жизнь крестьян других помещиков.

У него был свой метод поддержания у крестьян страха. Как говорится, не дай Бог попадись кто-либо в это время. Кажись еще вчера мелкая провинность, сегодня превращалась в ужасное преступление, которое немедленно с невероятной жестокостью. В ход шли, кнуты, столб-солнца, травление собаками. Раны посыпались солью, и бедняга сушился, как рыба. А вечером пленник освобождался ему давалось время зализать раны. На, это полиция не обращала внимания. Но если здесь оставалась надежда на спасение, то клетка, где удерживался матерый медведь, напрочь не оставлял никакой надежды. В рацион медведя всегда присутствовало мясо. Наказуемый бросался в клетку, и на глазах у всех, там велась неравная борьба. Зрелище представляло само воплощение ада. Кровь, стоны, торчащие кости открытых переломов.

«Медведякой». Такие показательные выступления проводились не часто. А порой редко. Так называли хозяина по зверски.

Ровно десять лет назад под страшное наказание попал Яков Митрофанович Бурко, доселе вместе с отцом Еремеича, пасших овец.